

[Сказка о Федоте Нестерыче]

Ж[ил] б[ыл] Федот Нестерыч. И он оч[ень] мало б[огатырствовал], потом он стал могуществом забавляться; стал богатырь <нрзб.> что удивительной, всех сильнее. Прослышался о нем царь, что есть такой богатырь младшой. И позвал его царь к себе и сдружил с ним царь дружбу такую, что любил его всех лучше придворных. Вот возненавидели его сенаторы тута. Является к ним царь в сенат; они и гов[орят]: «К нам Федот Нестерыч приходил, что я царю достану солнце, и месяц, и всю луну поднебесную». Вот царь его призывает: «Что, Ф[едот] Нестерыч, обязался ты достать... Заутра отправляйся в поход. А если не достанешь, вот у меня в руках меч, а у тебя голова долой с плеч». Вот наш Федот Нестер[ыч] припечалился, пошел к своему коню; ему конь и гов[орит]: «Что вы, Ф[едот] Н[естерыч], оч[ень] припечалились?». Вот он ему рассказ[ал], что «меня царь посылает...» . — «Не печалься; больше на денной проход денег проси». Вот он, по утру вставши, взял отправился в путь. И едет он, и смотрит: стоит богатырь Горыня, с ручки на ручку горы перекатывает. «Здр[авствуй], богатырь могущий Горыня!». — «Да что мы за могучие богатыри! Прослышался, богатырь Федот Нестерыч: сильнее, гов[орят], нет. — «Да я, гов[орит], самый Федот Нестерыч!». — «Я, гов[орит], тебя посажу на ладонку, другой прихлопну — мокренько будет». — «Чем так драться, поедем в чистое поле, попробуем могучих плеч!». Поехали в чистое поле, разъехались на две версты и съехались они. Ф[едот] Н[естерыч] его вшиб по колено в землю. Вот он и воскликнул ему: «Ф[едот] Н[естерыч], будь ты большим бр[атом], а я меньшим». Вот он, Ф[едот] Н[естерыч], слез и посадил его на коня. И поехали.

Вдруг смотрят: богатырь Дубыня с ручки на ручку леса переваливат. Он ему и гов[орит]: «Здр[авствуй], могущий богатырь Дубыня!». — «Мы что за богатыри. ..» . — «Да я самой. . .». — «Ох, да я тебя на одну ладонку...». — «Ну, поедем в чистое поле!». Поехали, разъехались на 4 версты и съехались они. Ф[едот] Н[естерыч] вшиб бог[атыря] Дубыню по грудь в землю. Потом он ему и воскликнул: «Ф[едот] Н[естерыч]...», слез и посадил. Едут. Стоит богатырь Усыня, усами море перепрудил. «Здравств[уй], могучий б[огатырь] Усыня!». — «Мы что за бог[атыри], прослышался бога[тырь]...». — «Да я самой!». — «Да я тебя на одну ...». — «Чем так сделать, поедем в чистое поле, попробуем могучих плеч!». Разъехались на 12 верст, он его вшиб по

шею в землю.

«Ф[едот] Н[естерыч] будь старшим братом, а я меньшим».

Подъезжают: нора. В эту пору поехали все 4. И нашли там 12-главного змея. А этих богатырей Ф[едот] Н[естерыч] положил спать, а сам пошел со змеем сражаться. Вот и отсек змею 12 глав на двух верстах; потом приехал к своим богатырям. Они спят. Проснулись богатыри. Он посылает их дичи бить, поесть захотели. Вот они пошли и слышат в стороне глас. «Ну, русский дух подшутил над нами, а мы не то подшутим. Поедет Ф[едот] Н[естерыч] домой — мы напустим воды. Он пить захочет, мы колодезь сделаем. Кто этой воды изопьет, того и разорвет. А кто слышит да скажет, тот по колено окаменеет». Вот они дичи набили, пошли пожарили и поели. И поехали. И пристигает их ночь. И кладет Ф[едот] Н[естерыч] своих бог[атырей] спать, а сам на часы становится. И выходит к нему ночь[ю] 30-главный змей, самый могущественный, из моря. — «А что это за богатырь за такой? И слыхом не слыхал, и видом не видал, а нынче судье является. Я, гов[орит], тебя на одну ладонку...». — «Лучше давай пойдем в чистое поле...». Разъехались на 30 верст, съехались, он все в раз 30 глав сшиб. Вот убрался и едет к своим братьям, посылает их за дичью. Вот они пошли за дичью, набили дичи, идут. Им глас речет: «Подшутил р[усский] д[ух] над [нами], а мы не эдак подшутим. Напустим на него сон и сделаем кровать: а ляжет, то его разорвет. А кто... тот по грудь окаменеет». Потом поджарили, поели и поехали к тому змею, у коего и солнце, и месяц, и звезды, и вся луна поднебесная. Приезжают к вечеру, и склоняет их сон. Вот кладет спать, а сам на часы становится, и выходит к ним ночью 40-главный змей. «Ах, гов[орит], что такой за б[огатырь]... Я тея на одну...». — «Чем так сражаться, поедем...». Разъехались на 40 верст. А у него б[ыла] труба, съехались они, и сшиб он с него 30 глав и гов[орит]: «Ну, гов[орит], змей проклятой, дай отдохнуть: я замучился». Он ему гов[орит]: «Что за отдых!». Вот разъехались на 50 верст, съехались, Ф[едот] Н[естерыч] гаркнул в трубу, тут богатыри подоспели и сшибли все 10 глав в раз. «Ну, я теперь отдохну, а вы подите дичи набейте мне». Вот они пош[ли], дичи набили, идут. Им речет глас: «Ну, подшутил русс[кий] дух над нами, а мы не тем подшутим. Мы напекём пирогов: кто этих пирогов пое[ст], тот весь окаменеет». — Вот они пошли, пожарили, поели. Пошли доставать солнце, месяц, и звезды, и всю луну поднебесную. Вот они достали луну поднебесную и поехали домой. Едут. И Ф[едот] Н[естерыч] пить захотел очень. И доехали до колодца. И такая свежая вода отличная в нем. Он и гов[орит]: «Я, гов[орит], пить хочу». — «Нет, гов[орят], не пей! А позволь: мы сперва попробуем». Слезли они и

начали саблями рубить колодезь: из него полила кровь. Потом они поехали дальше. Ф[едот] Н[естерыч] захотел оч[ень] спать. Тут и клонит его: на кровати перинка отличная. Вот он и гов[орит] своим товарищам: «Позвольте, гов[орит], отдохну на этой кровати». Вот они ему и гов[орят]: «Позвольте, мы पहले попробуем». Слезли они и саблями начали рубить. Пошла из нее кровь. Отправились они дальше. Ф[едот] Нестерыч доехали. Пироги оч[ень] хороши: начиненные разными рухтами. «Нет, гов[орят], позвольте, сперва мы попробуем». Потом слезли, саблями порубили, и потекла кровь.

Потом Ф[едоту] Н[естерычу] стали они сказывать, что в чем дело стоит, то вот такое-то дело: «Мы пошли дичь бить, слышим — речет глас: сделаем <нрзб.>...». По колено окаменели. «Во второй раз пошли...». По грудь окаменели. «В третий раз ... А мы напекём...». Тут уж все окаменевали.

Ф[едот] Н[естерыч] поехал в свое царство. Приехал, является к царю, отдает ему солнце, и месяц, и звезды, и луну поднебесну. И начал сенаторов давить, вешать — и осталось княжеского званья немного. Сошлись они [князья] хороводом и плачут, что Ф[едот] Н[естерыч] их обижает. Идет старух[а]: «Что вы, князья, плачете?». Ну они ей рассказали: «Нас осталось немного, и мы не можем, не знаем, что на него сказать царю». — «Скажите царю, что он пойдет туда, не знает куда, принесет то, не знает что».

Приходит царь в сенат. Они и гов[орят]: «Если меня пошлет сходить...». Царь его призывает: «Ну, Ф[едот] Н[естерыч], ступай туда, не зная куда...». Вот он припечалился: «Нас царь посылает привезти то... Конь и гов[орит]: «Ну, бери денег больше».

Поутру он соб[рался] в путь. И выходит к нему эта же старуха, что с господами советовалась. Вот он плачет. Она ему и гов[орит]: «Что вы плачете?». — «Да вот послал меня царь...». Дала полотенце и копье: «На вот, поезжай к моей сестре. Подъедешь — моя сестра слывет ведьмой, ты полотенцем махни и копьем в землю упри». Вот он поехал к ее сестре. Сестра взлетывает на него уткой. Он полотенцем махнул, копьем в землю упёр. «Ах, гов[орит], этот от сестрицы». Вот она его угостила. И спр[ашивает], куда едет. Она дала ему полотенце и копье свое, а той сестры оставила у себя.

Вот и вторая: всплыла она с моря ведьмой. Вот он побыл у ней, погостил. Она дала ему полотенце и копье свое. Вот он приехал к морю — ему нельзя

море переехать. Вот он и гов[орит]: «Лодка-самолетка! явись сюда!». Лодка-самолетка явилась к нему — перелетели они в три минуты через море, прилетели на остров; на острове стоит дом. И дом такой огромной. Он взошел в этот дом и спрятался за печь. Немного время прошло, приходит атаман — нечистый дух и гов[орит]: «Шуру-муру! Есть хочу!». Шуру-муру сейчас стол накрывает, 40 тарелок, по быку на каждой. Глокает по целому волу. Потом всех поглотал, гов[орит]: «Шуру--муру! Еще есть хочу!» <нрзб.> нажрался, упал в воду, внутрь на дно.

Вот Ф[едот] Н[естерыч] ьшел из-за печи и гов[орит]: «Шуру-муру! Есть хочу!». Приготовил 4 быков; взял ножичком порезал, где хорошенько, жирненько, порезал да поел довольно. Шуру-Му[ру] и гов[орит]: «Ах, Ф[едот] Н[естерыч], как помалу ты ешь. А я вон не наготовлюсь про атамана!». — «Пойдемте с нами!». — «Со всем удовольствием!». Вышли из дома. «Ш[уру]-М[уру]! Перетащи меня через море!». Ш[уру]-М[уру] единой минутой переташил. Приехали к старушкиной сестре; она ему своего коня отдала. «Ну, гов[орит], гоните, Ф[едот] Н[естерыч], за вами в погоню гонят». И дала ему платочек. «Ежели такое дело, махни платочком и скажи: „За нами черное море, перед нами чистое поле!“». Он махнул платочком: «Позади чер[ное] мо[ре], впереди у нас чистое поле», что и сделалось. Приезжает в свое царство. «Шуру-Муру! Ты со мною?». — «С тобою». Является к царю, велел собрать всех солдат и народов. Он и сказал, чтобы все было готово для черни и для всего народу. Шур[у]-Мур[у] угощение сде[лал], а Ф[едот] Н[естерыч] всех сенаторов передавил и остался двоим с царем в сенате. Пообедавши, захотелось им пить. Вот они пошли в сад гулять. И у них там б[ыл] колодезь, а в том колодезе плавал оголец, всей сказке конец.

(Сказки из бумаг Н. П. Страндена)

Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Издательство "Наука". Москва-Ленинград, 1964.